

Николай Инодин

**В ТЕНИ
СТОРЕВШЕГО
КИПАРИСА**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
И67

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 168

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Инодин, Николай Михайлович

И67 В тени сгоревшего кипариса: роман / Николай Инодин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 384 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-119208-2

Для того чтобы история пошла по иному пути, не нужен попаданец с ноутбуком. Один человек задержался в пути, другой в нужное время высказал умную идею. Третий умер на три месяца раньше.

И хотя в Испании остановить фашистов не удалось, советские добровольцы готовы попробовать снова, на этот раз в Греции.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-119208-2

© Николай Инодин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Не срослось, не сложилось, не было.
Ничего водой не снесло.
Нет о том ни были, ни небыли:
На пустом былье не росло.

Не рожденные, не любившие,
Не имевшие вовсе судеб,
Чем дышали они, не бывшие,
Никогда не жившие люди?

Шум прибоя почти не слышен — берег моря виден, но достаточно далек. Плеск и шорох волн заглушают гудение бесчисленных мух, карканье ворон и пронзительные вопли чаек. Тихо потрескивает остывающий двигатель. Звучит греческая и русская речь, иногда в эту мелодию вплетаются лающие фразы на немецком — не всех фрицев перемешали с грунтом танковые гусеницы. Запахи моря и пыли забивает кислая тротиловая вонь, густо замешанная на «ароматах» бензина и горелой краски.

Вечер. Закатное солнце делает тени гуще и длинней. Тень кипариса, перебитого прямым попаданием снаряда, косо лежит на башне танка. Гусеницы боевой машины по самый верх тележек подвески зарылись в обломки серого десантного планера. Красная пятиконечная звезда на бортовой броне мирно уживается с нанесенной на башню белой восьмиконечной родственницей. Одно крыло планера уцелело и задралось вверх. Намалеванный на нем черный крест щедро присыпан пылью, но еще вполне различим.

На башне сидит танкист — чумазый и уставший. Он сдвинул на затылок ребристый шлем и устало, не торопясь, курит. Медленно выпускает из ноздрей табачный дым и смотрит на море. Там, за проливом, воды которого из-за обилия якорных мин местами напоминают суп с фрикадельками, его заждались. И он обязательно вернется, потому что привык возвращать долги. Нынешняя победа — всего лишь щедрый задаток.

Глава I

ЗА ТРИ МОРЯ

Пятеро мужчин в военной форме без знаков различия стоят на пирсе и наблюдают за тем, как порталные краны легко, играючи, переносят с борта на берег грузовики, танки и артиллерийские установки. Выгрузка идет не первый час, поэтому особого интереса не вызывает. Но порядок есть порядок, поэтому мужчины переговариваются, не прекращая следить за процессом.

— Фунтиков, скоро твои сараи выгружать начнут, не поломают их греки при разгрузке? Тридцать тонн — не кило изюму.

— Эти краны и потяжелее таскали, снимут. В Одессе как бы не хуже этих машинисты были.

— Какой-то ты спокойный, Михаил, не понимаю. Чужая страна, незнакомое всё. А ты будто на вокзале в Жмеринке на перрон покурить вышел.

— Так не первый раз, товарищ майор. Я на родине меньше года пробыл.

— А чего тогда рапорт подавал?

— В тот раз не договорил с фашистами.

Михаил хотел сплунуть, передумал и зло ощерился:

— Еще бы с французами потолковать. О гостеприимстве.

Фунтиков провожает взглядом величаво проплывающую над ними тушу трехбашенного танка.

В самом деле, ему не впервой. Приходилось, волнуясь, разглядывать с палубы парохода, как разворачивается панорама незнакомого морского залива, таращиться на чужие маяки и дома непривычного облика. Два года назад младший лейтенант Фунтиков первый раз слушал незнакомую речь докеров, волновался, когда кран выдернул его Т-26 из корабельного трюма, будто морковку из грядки. Удивлялся незнакомой архитектуре, на узких улочках Барселоны любовался вычурными балконными решетками, втягивал раздутыми ноздрями ароматы апельсиновых рощ. Это потом, спустя полгода, с легкой руки кареглазой каталонской красавицы прилипнет к нему кличка «Дон Мигель». К тому времени лейтенант Фунтиков уже оценит «прелесть» узких улочек средневековых городов, научится видеть в оливковых и гранатовых рощах, в виноградниках и старинных ветряных мельницах не иллюстрации к романам Сервантеса, а удобные места для засад, огневых позиций и наблюдательных пунктов.

Навоевался Михаил от души, и с врагом, и с союзниками. С тех пор расхлябанность и неорганизованность числит в одном ряду с изменой, еще и не сразу решишь, от чего вреда больше. Когда франкисты и итальянцы отрезали их группу от морского побережья, Михаил среди танкистов остался старшим. Метался на последних литрах бензина по горам и долинам, пытался несколькими танками и броневиками перехватывать маневренные группы итальянских танкеток и марокканской кавалерии. Иногда — успешно, тогда Дон Мигель любовался приземистыми силуэтами горящих «ансальдо» и пустыми седлами на спинах поджарых берберийских лошадей.

Запекшейся кровью на грязных бинтах памяти остались последние бои летом тридцать девятого: щедро

политые кровью сумасшедших марокканцев склоны, трупы последних защитников Республики. Снаряды и топливо для его «El bravo Rojo»¹, латаного-перелатаного Т-26, последнего остававшегося в строю, чуть ли не в котомках приносили со всего пиренейского фронта. Когда ни того, ни другого не осталось, Михаил сам разбил молотком прицелы, воткнул первую передачу и выпрыгнул из танка. До конца смотрел, как падает в ущелье, разваливаясь на части, испытанный боевой друг.

Переход границы, наглость и презрительная вежливость французских чиновников. Лагерь... Это и вовсе не хочется вспоминать.

Марсель, пароход «Четвертый Интернационал», переход до Одессы, который Михаил почти не помнит — на борт его поднимали на носилках, свалило с ног запущенное в лагере ранение. На палубу врач разрешил выходить уже после прохода черноморских проливов.

Разговоры со строгими, внимательными особистами, затем Москва, орден Красного Знамени, третий кубарь в петлицах и рота Т-28 в пятой тяжелой танковой бригаде. Огромный Харьков, степи, где по балкам и оврагам прячутся от зимних ветров и летнего солнца украинские села. Певучий говор с непривычным мягким «г», неистребимые «семки», шелуха от которых не хуже палой листвы может покрывать дощатые тротуары, черные, сочные вишни. Новая техника и постоянные стычки с командованием в попытках выбить топливо и боеприпасы для проведения стрельб, тренировок и тактических занятий. Последняя беседа в кабинете командира бригады.

¹ «El bravo Rojo» — Красный смельчак, храбрец (*исп.*) — название танка, на котором воевал в Каталонии Михаил Фунтиков.

— Садись, герой, — комбриг махнул рукой на ряд стульев у стены. — Разговор у нас с тобой не на пять минут, нечего тебе во фронт тянуться.

Командира в бригаде уважали, человек он был правильный, бригаду любил, как собственного ребенка. Подождал, пока Фунтиков усядется, присел прямо на свой массивный, крытый зеленым сукном стол, сдвинув в сторону один из двух телефонов. Включил настольную лампу и взял со стола знакомый лист бумаги.

— Твой рапорт, твой. Пятый за месяц, не ошибся я? Читаю: согласно учебному плану... на подготовку механиков-водителей... практическая стрельба... моторесурс... Грамотно излагаешь, образованный. У тебя родители кто?

— Отец — телеграфист, мать — учительница, товарищ комбриг.

— Заметно. Что насторожился, думаешь, ругать буду? Все правильно написал.

Михаил почувствовал себя так, будто перед ним вдруг распахнули дверь, которую он собирался выбивать с разбега.

— Всё верно пишешь, товарищ старший лейтенант, не всё видишь. Учебный план это, конечно, хорошо, но снаряды для КТ-28 я только в этом месяце в округе выбил, и дали столько, чтобы НЗ на случай войны пополнить. А еще бригада каждый год по два парада откатывает. «Тридцать пятые» всем батальоном на Красную площадь ездят, «двадцать восьмые» в Харькове ходят, а это, старлей, уже вопрос политический — демонстрация мощи РККА друзьям и возможным противникам. На подготовку весь моторесурс уходит. И бензин тоже.

— Но... — растерялся Михаил. — А если война? Стрелки и наводчики по разу стреляли, механики только по площадям и проспектам водить умеют.

— Жизнь заставит — научатся, — вздохнул Батя. —
Которые выживут. Пока важнее войны не допустить,
отсюда — парады. А ты, значит, не навоевался еще?
И холост.

— Да, товарищ комбриг, не женат.

Командир взял со стола вторую бумагу, протянул
Фунтикову:

— Читай.

Подождал, пока подчиненный ознакомится с доку-
ментом, забрал приказ, положил назад в папку.

— Пойдешь?

— Да, товарищ комбриг!

— Пиши еще один рапорт, старлей, думается мне,
там тебе самое место.

Невысокий, наголо обритый парень, на широких
плечах которого готова под напором мускулатуры рас-
сесться по швам крепкая шинель, расхохотался:

— Потолкуешь еще, какие твои годы!

Пожилой грек в рабочей одежде, с сединой на тем-
ных курчавых волосах подошел к группе добровольцев
и выдал длинную фразу, активно помогая себе рука-
ми. Бритый командир вдруг зачистил в ответ, почти не
уступая докеру в скорострельности. Потом повернулся
к старшему:

— Товарищ майор, просят отойти в сторону, они
сюда сейчас снаряжение выгружать будут.

Не желая мешать, командиры отошли почти к само-
му трапу судна.

— Ты, Котовский, за границей только в Финляндии
был, и то дальше линии Маннергейма не проехал, от-
куда греческий знаешь?

— Из детства, товарищ майор. Беспризорничал
в Крыму, тамошние рыбаки не дали с голоду помереть.

А они через одного греки, если не больше, так и выучил. Само получилось.

Старший лейтенант Алексей Григорьевич Котовский сыном героя Гражданской не был и родственником не являлся. А однофамильцем назначил себя сам.

В шайке малолетних беспризорников, которая выживала, перебираясь из одного крымского поселка в другой, верховодил Яшка-гагауз. Был он лет на пять старше остальных мальков, водился со взрослыми ворами и контрабандистами, но пацанов в грязное вмешивать не давал, заменял салажатам и папу, и маму. Если бы не его постоянная опека, большинству детей не дожить до совершеннолетия — Крым двадцатых был местом безжалостным. Вечерами, когда мальки побратски делились у костра дневной добычей, Яшка рассказывал замечательные истории. Чаще всего — о знаменитом атамане Ада, Григории Ивановиче Котовском, который еще при царях отнимал у буржуев богатства и раздавал бессарабским беднякам. Замурзанные детишки кутались в драные клифты, с горящими глазами слушали, как знаменитый герой водил за нос царских жандармов, голыми руками ломал замки и тюремные стены, освобождал товарищей под носом у полиции. А после революции — кто не слышал о героическом комбриге Котовском?

Яшку прирезали на одном из воровских дел, ватага распалась. В августе двадцать пятого судьба привела Лешку в Одессу. У большого дома с колоннами висели приспущенные флаги с черными лентами, в двери медленно, по одному, проходили люди, на пыльной улице собралась длинная очередь.

— Дяденька! — потряс какого-то мужика за рукав Леха. — А чего это все туда прущца?

— Враги Котовского убили, такие люди попрощаться хотят, — ответил тот, и Ленька тихонько прошел, встал в конец очереди.

На следующий день в приемнике-распределителе на вопрос: «Как тебя зовут?» Леха выпрямился и, прямо глядя тетеньке в глаза, ответил:

— Алексей Григорьевич Котовский.

— Что, сын? — ехидно поинтересовался сидящий за соседним столом гражданин самого контрреволюционного вида — в пенсне и с наруканниками.

— Нет, — честно ответил пацан, — но очень хотел бы быть.

Пораженная такой логикой тетка занесла в личное дело и фамилию, и отчество. Возраст парня определили на вид — десять лет.

Выгрузка помощи из Советского Союза идет круглосуточно, к вечеру семнадцатого ноября у северных окраин Салоник развернулся импровизированный палаточный городок. Импровизированный потому, что палаток с собой добровольцы не привезли, пришлось включать смекалку: растянули несколько танковых тентов на сбитых из жердей каркасах. Над трубами полевых кухонь курятся дымки, техника стоит в укрытиях, вокруг суетятся экипажи, проверяют и обслуживают.

В небо уставились длинные стволы зенитных трехдюймовок, из кузовов нескольких полуторок задрали рыла счетверенные «максимы». То и дело над городом и портом тройками проносятся «ястребки». Летунов и их технику выгрузили в первую очередь, они успели пару раз схлестнуться с итальянцами, больше фашисты днем над Салониками не появляются. Режут глаз восьмиконечные белые звезды на знакомых силуэтах. Пора привыкать.

Лейтенант Клитин проверяет подготовку машин роты. Танки не новые, все образца тридцать третьего года, но в Одессу поступили прямо с завода, с капиталки, и выглядят немного непривычно — другие гусеницы и тележки, очертания корпуса искажают листы дополнительной брони, изменилась форма кормы — ее подняли, чтобы разместить новый двигатель, способный тащить увеличившийся вес танка. На всех башнях — «короны» поручневых антенн — после того, как стали давать продукцию новые заводы в Чите и Иркутске, радиостанций хватает. Антенны монтируют теперь даже на танки, на которых нет радиостанций — почему командирские машины не должны выделяться, доходчиво объяснили расчеты противотанковых орудий противника в Испании, Финляндии и на склонах хасанских сопок.

Лейтенант шагает вдоль строя, проверяет, хорошо ли пришиты погоны и нарукавные нашивки, верно ли укреплены на пилотках кокарды. По команде бойцы снимают пилотки и предъявляют для осмотра иголки. Клитин не ленится, проверяет, достаточной ли длины вдетые нитки. Война войной, а порядок в армии никто не отменял.

Две недели тому назад лейтенант Клитин, тогда еще командир танкового взвода, так же прохаживался перед выстроенным личным составом. «Летучая мышь» скудно освещала кусок коридора, ведущего в помещение казармы. От рядов двухъярусных коек доносилось сонное дыхание спящих бойцов, а подчиненные лейтенанта осолопевшими глазами таращились на взводного.

— Если кто не понял, повторяю еще раз. Для того чтобы пришить пуговицу, необходимо взять иглу в левую руку, развернув ее острием вниз. Тогда ушко иглы окажется в удобном для вдевания нитки положении.